

ЛЮБОВЬ ПОПОВА

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

18+

ГОЛОД ОДЕРЖИМЫЕ

Голод

Любовь Попова

Голод. Одержимые

«Автор»

2020

Попова Л.

Голод. Одержимые / Л. Попова — «Автор», 2020 — (Голод)

— Я беременна, любимый! — кричу сквозь слезы радости, но вместо ожидаемой улыбки на жестком, красивом лице вижу презрение и гнев.—
А причем здесь я? - чеканит он слова, меня отталкивает. Не сильно, но до кома в горле обидно.— Не говори ерунды, мы столько занимались сексом, немудрено...— Я стерилен, Василиса! Я не могу иметь детей! Содержит нецензурную брань.

Содержание

Глава 1. Василиса	5
Глава 2. Василиса	8
Глава 3. Данил и Паша	13
Глава 4. Макар	16
Глава 5. Василиса	19
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Любовь Попова

Голод. Одержимые

Глава 1. Василиса

Заигрались. Почему-то именно эта мысль долбила дятлом мозг. Разрывала душу. Вызывала острое желание рвать на себе волосы.

Заигрались. Сходили с ума. Умирали в желании не расставаться ни на секунду. Дело даже не в сексе. Хотя, и в нем тоже.

Просто мне казалось, что я нахожусь в каком-то эротическом дурмане или романе. Наркотической зависимости. Да, я пыталась сосредоточиться и на себе: училась, занималась, дежурила в больнице.

Но Макар! О, боже! Больная!

Он настолько влез в меня, захватил, заполнил собой каждый уголок сознания, что без него начиналась ломка. Рядом же с ним я чувствовала себя похотливой кошкой.

А он. Он все принимал. Подталкивал к краю бездны, раз упав в которую назад пути не будет.

Центром вселенной стал Макар Черкашин. Господи, я ведь толком не знаю о нем ничего.

– Где ты родился?

– Далеко.

– Где твои родители?

– Еще дальше.

– Почему ты стал бандитом?

– Не смей меня. Какой из меня бандит, сижу, мажу солнцезащитным кремом твое лицо.

– Ты сам захотел.

– Конечно, вот бандитом тоже захотел и стал.

– Ты смеешься надо мной, – бурчала, отталкивала руки, но они тут же попадали в плен. Точно так же, как и я в плен его темно синих, почти черных глаз.

– Я всегда над тобой смеюсь, – усмехался он и потом увлекал меня на спину, вкрадчиво шептал, обволакивая запахом ментола и порока. – Но еще больше я хочу тебя трахать. Просто вставить по самые яйца и никогда не выходить. Я хочу тебя всегда.

– О, Макар, – стонала я, а сейчас смотрю на его неподвижное тело, все еще такое мощное тело в больничной палате и бесшумно рыдаю.

Заигрались.

Забыли, что кроме наших желаний, есть реальный мир. Что Макар не менеджер в МВи-део, а человек, держащий подпольный клуб для извращенцев.

Иногда в камеру я видела таких людей, что отвисала челюсть, но Макар подбирал ее и уводил, дав подзатыльник пропустившему меня охраннику.

Я уже и забыла, когда нормально общалась с друзьями, полностью поглощенная первыми отношениями в своей жизни. Больными отношениями.

Так нельзя любить. Нельзя зависеть на человеке настолько, что кажется, умираешь, если он перестает смотреть на тебя, касаться тебя, любить тебя.

Он не признавался. Ему и не надо было. Я видела. Чувствовала. Знала! Знала! Я все, слышишь, знаю.

Он был груб со всеми. Никогда не шутил. Говорил четко, коротко, по делу. Играл роль, носил маску. И только рядом со мной, за шторкой, автомобильной дверцей, дверью в квартиру, он стягивал ее так же быстро, как мои трусики.

– Сними их, хочу вылизать тебе писечку.

Боже, когда он это сказал, я смеялась очень долго. Смеялась и все равно следовала его приказу. Смеялась, пока он опрокидывал меня на стол и задирает ноги за голову. И тут же прекращала смеяться, когда он опалил дыханием промежность, смотря прямо в глаза:

– Я же говорю. Писечка. Тугая, розовая, горячая и влажная. А знаешь, что самое главное?

– Что? – спрашивала я, срывающимся шепотом, чувствуя, как сердце заходится в бешеном, бесконечно прекрасном ритме.

– Только моя, – переводил он взгляд туда, опускал как в чашу палец, заставляя издать порочный стон и задержать дыхание, пока пробовал сок из этой чаши. – Сладкая.

– Василиса, – слышала я сквозь шум мыслей родной хриплый голос и вскочила, подбежала, упала в ноги перед кроватью и схватила руку.

Целую каждый палец, укладываю щеку в ладонь, смотрю еще в поддернутые лекарственной дымкой глаза.

Живой. Дышит. Разговаривает. Больше и не надо ничего. Люблю его. Больше жизни ведь люблю.

– Я тут, тут, мой хороший. Болит что-нибудь? Ритм ровный, температуры нет. Пить хочешь? Я принесу.

Я хотела пойти за стаканом, уже встала с колен, но его, удивительно сильная для такого состояния, рука схватила меня за запястье, останавливая.

– Не применяй силу. Тебе восстанавливаться надо, – улыбаюсь, прошу.

– Сядь.

Я замерла. Его тон. Этот взгляд. Слово он там, на скале. Я протягиваю руку, кричу: «помоги выбраться!», а он молчит. Молчит, о чем-то думает. Нехорошем. Он тоже понимает. Заигрались. Только вот выводы в его глазах другие. Ужасные. Ненужные.

Тело бьет озноб, и я сажусь, чувствуя, что ко мне медленно подбирается п*здец. Не смей Макар. Не делай того, о чем потом будешь жалеть. Того, от чего я умру.

– Тебя не задело?

– Нет, ты же меня прикрыл, – лепечу, улыбаюсь, глажу его руку, но он. отнимает ее. Свою руку. Отнимает от моей. Слово сердце рвет на части.

– А могло задеть.

Тело напряженно до предела. Кто-то тянет его как струну, вот только теперь ни грамма предвкушения удовольствия, только боль. Острая. Обжигающая.

– Меня и кирпич может случайно убить. А знаешь, сколько случайных смертей на дорогах. И от случайных грабежей умирает пол процента земли. А если у меня грипп случится, то я тоже могу случайно умереть, – срывается голос на крик, и он не остается в долгу.

– Но это не случайность!

Звонящая тишина. Полумрак. Еще пару минут назад я купалась в этом, в его близости, в осознании, что он живой, а теперь мне хотелось исчезнуть. Раствориться. Стать самой темной и навсегда забрать в свои объятия Макара.

– Мы справимся, – шепчу, не хочу терять надежду.

– Мы, – отбивает он метрономом слова, вбивая тупой конец кола мне в сердце, – ни с чем. Справляться. Не будем.

– Что?

– Нас нет.

– Ты лжешь! – не сдерживаясь, кричу я, ощущая, как меня сотрясает дрожь. – Как ты можешь так нагло врать?! Я люблю тебя! Я буду с тобой! В горе! В радости! Мы, – нажимаю, – справимся!

– Твои романтические чувства, твоя проблема. Это был просто отличный трах, и он закончился, – лицо, как камень, ни тени усмешки, эмоций.

– Трах? – не могу поверить. Взлеты и падения. Зависимость и агония. Просто трах?

– Да, отличный качественный. Ты быстро всему научилась.

– Скотина! – истерика как змея душит. – Как ты можешь! Да у тебя и не встанет на другую! Ты сам говорил! Говорил, что хочешь меня всегда!

– Чего только не сделает мужчина, чтобы телка дала в задницу.

Рев огласил вязкую тишину палаты.

Это кто? Я так кричу?

Я набрасываюсь на все еще раненного Макара? Я ору ему в лицо и царапаю ногтями щеки? Вспоминаю порочное движение внутри себя. Сначала тесная боль, успокаивающий шепот, а потом удовольствие, ослепляющее, сводящее с ума, и мой крик, пока член тараном рвет: «Еще!».

Меня, сопротивляющуюся, захлёбывающуюся криком и слезами, выносят из палаты на руках и сажают в машину. Слышу холодный, без тени жалости голос Данилы. Не надо меня жалеть, я и сама с этим отлично справлюсь.

– Так будет лучше. Ты же понимаешь.

– Не понимаю.

Глава 2. Василиса

Когда в душе поселяется тьма отчаяния, свету там нет места. Именно поэтому уже третий день я не открывала шторы в своей комнате в общежитии. И хоть девчонки, да и Паша были недовольны – не возникали. Наверное, боялись, что я вскроюсь или повешусь.

У нас в комнате зачем-то висит отличный крюк. Никто не знает, зачем его повесили, так же никто не знает, когда я встану с кровати.

А зачем мне вставать? Куда идти? Для чего жить? Вся моя жизнь была сосредоточена в сердце, которое вырвали, растоптали, разбили хрупкий панцирь моей души и разбросали обломки по свету.

И да, так нельзя себя вести. Нельзя заикливаться на том, для кого ты оказалась просто дыркой для слива своей похоти. Нельзя верить, что бандит может полюбить искренне. Со всей силой страсти. Нельзя самой любить бандита.

Но разве в жизни все поддается объяснению? Разве можно объяснить, как на земле появилась жизнь, и почему небо голубое. Разве можно объяснить, почему я, обиженная на Макара, уже ищу возможность к нему вернуться. Любую возможность.

Найти парня, который будет меня помогать, и попросить защиты? Подкараулить его, украсть, соблазнить, когда он будет расслаблен? Какой еще бред можно придумать? Тем более, это мне самой может выйти боком.

Еще можно попросить денег, он точно даст, но скорее всего через кого-то. Можно заявить, что я беременна, но разве он дурак, чтобы поверить в чудо.

Три дня, казалось, тянулись целую вечность. Медленно, словно жизнь замерла в определенной точке, и только один человек мог завести меня, как стрелки часов снова. Снова вдохнуть жизнь.

С Макаром вообще сложно спорить, если он что-то решает, лучше согласиться, чтобы не огрести. Но мне нравятся его решения. Мне нравится его ум, его раскатистый голос. Мне нравится, как резко, грубо он прижимает меня к себе, не отпускает, трахает до потери пульса, пока дела не оторвут его от меня снова.

Дела, дела. Как у него дела? Выписался ли из больницы, промыл ли раны, оставленные моими ногтями.

На фоне мыслей и тихого шепота, испуганных за мое состояние друзей, я слышала стук. Резкий, как порыв ветра. Оглушающий, как удовольствие от проникновения любимого большого члена.

Я вскочила с кровати, чуть не падая. Друзья тут же встрепенулись, и Паша придержал меня за локоть. Ноги после долгого лежания затекли.

– Это, наверное, Макар, – улыбнулась я, переминаясь с ноги на ногу. – Понял, что не может без меня и пришел извиниться.

Не знаю, что я такого сказала, но друзья испуганно переглянулись.

Даша открыла штору, впуская слепящий свет, и я прикрыла глаза, но продолжала гипнотизировать голубую, шелушащуюся древесину.

Паша осторожно отпустил мою руку, смотря на меня точь-в-точь, как на душевнобольную. Полосатая пижама, наменная три дня, создавала соответствующий образ.

– Сама откроешь?

– Иди, ты, – прошептала я, заламывая руки и прижав их к болезненно ноющему сердцу. – Я приведу себя в порядок.

Паша пошел вперед, а я так и не двинулась с места.

Пусть он. Пусть будет он. Я не буду спорить. Я буду послушной. Я буду давать в попу, когда он захочет. Как это все унижительно, но сейчас я готова была на все, только бы вернуть свое счастье. Только бы еще хоть раз ощутить на себе его взгляд, его прикосновения, удары тела друг об друга. Как же хочется снова услышать хлюпающие звуки, от которых еще недавно я бы покраснела, а сейчас готова раздвинуть ноги от одного порочного воспоминания.

Стук повторился, и Паша рванул двери на себя.

Вся радость в миг улетучилась, когда в дверном проеме показался как всегда одетый с иголки Данила.

Он мельком взглянул на Пашу, подняв уголок губ, когда заметил его гавайские шорты и посмотрел на меня.

– Привет.

– Как он?! – тут же спросила я, разочаровавшись в пресловутой надежде.

Зачем он приехал. Зачем теребит и без того расколотую душу.

– Уже работает. Кремень, – пожал он плечами и протянул руку.

Кремень. Ну кто бы сомневался. И наверняка даже не думает о своем здоровье. Ему бы полежать. Лучше со мной.

Я хмурюсь, когда замечаю в руке папку.

– Что это?

– Тебе. То, что Макар дарил.

– Ого, – подала голос Вероника, но мне было не до радости или восторгов.

– Что дарил? – не поняла я, чувствуя, как по телу проходит холодок, а капля пота стекает по невымытой три дня спине. Как выглядят мои волосы, я даже боюсь представить.

– Может, ты уже забереешь, и сама посмотришь, – раздраженно дернул папкой Данила, и я на трясущихся ногах прошла вперед.

В папке были документы. На собственность, которая теперь за каким-то чертом принадлежала мне.

– Что это за хрень?! – закричала я, сотрясаясь всем телом, и не веря, что вижу, как Макар свел все наши отношения к торгово-рыночным.

Мы отлично потрахались – на тебе телефон за сотню штук. Взяла в рот – на тебе тачку, которую водить нельзя. Дала в задницу – на тебе жил площадь.

– Меня просто попросили передать.

– Передать. Передать, – шептала я как безумная, смеясь и плача. – Передать мне, что я в его глазах была шлюхой?!

– Весьма дорогой, – заметила Ника, и я, развернув к ней лицо, завопила: – Заткнись! А сам он не захотел мне это передать? Сказать в лицо, кто я такая?

– Так будет лучше, – снова пояснил Данила, и я толкнула его в грудь, ненавидя эти слова.

– Для кого лучше?! Для кого?

– Дура! Ты жива останешься. Макару не до тебя!

– Тогда пусть он определится, либо он боится за мою жизнь, либо считает шлюхой. А то у меня знаешь ли мозговой коллапс.

– Он работает. По его приказу тебя в клуб не пустят, – сказал Данила, и я задышала глубже.

Чувствую, как ненависть поднимается из самых недр. Обжигает своей силой. Убивает все светлое, что когда-то было в моей душе. А самое главное отрезвляет. Создает из наивной девочки хладнокровную стерву.

Слезы стираю одним движением, сглатываю и выдыхаю.

Подхожу под четыре удивленных взгляда сначала к столу, беру ключи от комнаты, потом к Даниле.

Он мне нравится – симпатичный, высокий, мускулы там, где надо, но я постоянно чувствовала волны раздражения по отношению ко мне.

Поднимаюсь на цыпочки, осторожно протягиваю руку к его карману, чувствуя предвкушение преступления и страх последствий. Затаиваю дыхание, не дышу.

Почти касаюсь пухлых губ, знаю, насколько сейчас злю Пашу.

– Пусть попробуют, – целую чужие холодные губы и вытягиваю под удивленный дружный вздох ключи от машины.

Потом резко отталкиваю Данилу в сторону Паши, тот теряет равновесие, и они заваливаются на кровать.

А я уже выскочила за дверь, захлопнула, закрыла на ключ и побежала к машине. Получилось!

– Пусть попробует не пустить меня, – говорю себе в слух, перехватывая папку под мышку, слыша, как дверь в общежитие борется с силой ноги Данилы. Хорошо, что их сделали такими крепкими. Еще в советские времена.

– Да как же она заводится, – бурчала я себе под нос, рассматривая кнопочки, которые могли бы по праву занять место в космическом аппарате. – А...

Я улыбнулась сама себе, вставила ключ в потаенный вход и повернула. Машина с автоматической коробкой передач завелась с пол оборота, и я сразу нажала педаль газа и звонко рассмеялась от восторга.

Давно, давно я не была за рулем машины. Макар мне отказывал в этом удовольствии, ссылаясь на отсутствие прав. Ну что, я виновата, что мне их не выдали даже с пятой попытки, а все потому что кто-то наставил на дорогах кучу бесполезных знаков со скоростными ограничениями.

Зато в детстве дед не отказывал. Волга была очень тяжелой, неповоротливой машиной, но если научишься на ней, то остальные покажутся сущим пустяком. Так он говорил, а потом спился от горя, когда умерла бабушка.

Я смахнула слезу, вспоминая самую верную пору, и лихо развернулась, выехала с автостоянки у общежития, как раз в тот момент, когда из двери выбегали Данил и Паша.

Тело переполняла эйфория. Было настолько кайфово вырваться из плена отчаяния, действовать, что я, не сдержавшись, рассмеялась, закинув назад голову, высунула руку и показала средний палец.

Не только Даниле, который наверняка шепчет Макару, что я лишняя в его жизни, но еще тьме, которая плотным кольцом душила меня три дня.

Дура! Боже! Он не бросил меня. Не мог! Он просто заботится обо мне. Квартира, машина. Он не хочет, чтобы я жила в тесной комнатухе. Чтобы ходила пешком. Он хочет, чтобы я была жива и здорова!

А если не так, если он платит мне за секс, то пусть скажет в лицо, а не присылает всяких альбиносов.

Остановившись на светофоре, я посмотрела вправо, через машину заметив машину полиции. Не знаю почему, но вперились взглядом они точно в меня.

– Да ладно, – не верю я и вижу, как один из них выходит из машины и идет прямо ко мне.

Размышлять времени не было, так же, как и объяснять, как у меня оказалась чужая машина. Утро в СИЗО не то, о чем мечтают юные, влюбленные девушки, желающие покорить объект своих желаний.

Руки на руле сжались сильнее, сердце отбивало нестройный ритм, и как только рука офицера хотела постучаться в окно, а светофор как огнем полыхнул зеленым, я вдавила педаль газа, обдавая пухлого мужчину выхлопным темным дымом.

Тут же запиликала сирена, но я уже была далеко, благо последняя модель БМВ позволяла разогнаться в считанные секунды. И я со смехом и острым предчувствием удовольствия вклю-

чила радио. А там. О да, то, что нужно. Я запела вместе с группой Артик и Асти, несколькими словами, отражающими мои чувства и мысли.

Все мимо! Я никогда ещё так
Сильно не любила; все мимо, а-а
Все мимо! Я в нём теряюсь,
Ну какой же он красивый! Все мимо, а-а
А-а-а, чувства к нему сильнее цунами
А-а-а, меня накрывает его волнами
А-а-а, кругом одни мальчики, он – Мужчина
А-а-а, мне нужен лишь он, остальные все мимо.

С улыбкой я выключила музыку и заехала в арку между домами, где и скрывался вход в клуб Макара.

У него их было несколько, каждый имел свою цель и аудиторию. В зону извращенцев меня не пускали под страхом смерти. Судя по прищуренному взгляду высокого охранника, такая же ситуация ожидает меня здесь.

Но если в логово разврата я попадать и не желала, то сейчас мне было крайне необходимо прорваться внутрь.

– Привет, – улыбнулась и сделала вид, что дура, протискиваясь в дверной проем.

Передо мной выросла рука вся в буграх, и я невольно порадовалась, что у Макара не такое тело. Особенно я радовалась, когда анальное отверстие растягивал его член. Вполне себе комфортно воспринятый моим организмом.

– Извините, Василиса Владимировна, вас пускать не положено, – он посмотрел на машину. – Это Данилы?

– Ну да, он решил вспомнить молодость и проехаться на трамвае, – невинно улыбаюсь я, и парень, как его... Лев, точно, недоверчиво хмыкает.

Ладно, нужно выключать дуру и включать мозги.

– Лё-ева...

– Не могу пустить, меня Макар с потрохами сожрет.

– Да кому нужен тот Макар, – отмахнулась я, тряхнув волосами.

Краем глаза я убедилась, как замороженно широкий, лысый парень проследил за этим незатейливым движением, а плечи его инстинктивно расправились. Самец заприметил самку.

Я прекрасно осознавала, что даже немытая, нечёсаная, с синяками под глазами я вызывала если не острое желание и стояк, то точно симпатию.

– Лева, хочешь отсосу?

Тот эффект, который произвело мое предложение, должен был вызвать хохот, но я сдержалась и только кашлянула в кулак, наблюдая, как глаза на широком лице становятся круглыми, а рука на поясе дрожит.

Он нервно оглянулся по сторонам.

– За лоха меня держишь?

Ну, вообще-то да, но ты, судя по раздувающимся ноздрям, не веришь своим же слова. Зато веришь, как ребенок, что придет Санта в моем облики и одарит тебя минетом.

– Нет, что ты, я держу тебя за сексуально активного мужчину с весьма развитыми половыми органами, а так как Макар больше не способен удовлетворять мои непомерные потребности...

– Непомерные?

– Ну, секса я хочу постоянно...

– А, – почесал он затылок и осторожно взглянул на мои губы, как ребенок на конфету в магазине. Я тут же их облизнула. – Ну... Если Макар с вами... тобой расстался, то не убьет меня?

– Ну, конечно, нет, – приблизилась я, и провела по своей вспотевшей шее рукой. – Ну, так что, подаришь брошенной девушке немного ласки?

Ну давай, соображай быстрее.

– Ну, можно, только не прямо здесь, давай в сторожку отойдем.

– Давай, давай, – кивнула я с энтузиазмом, и он показал мне вход. В тесную комнатку я зашла первая, он за мной, и я тут же прижала его к стене.

– Снимай штаны, а я юбку, – поторопила я.

– Но у тебя нет юбки.

Точно...

– Так это же хорошо! Снимай, мне уже не терпится увидеть твоего гиганта!

– Ну, вообще да, говорят он большой, – начал расстегивать ширинку и одним махом стянул вниз брюки, чтобы показать мне, какой весьма внушительный размер прячется за семейниками с сердечками.

– Это мама купила.

– Верю, милый, – по-доброму, как ребенку улыбнулась я, и тут же толкнула его на стул. Запутавшись в брюках, он упал и забарахтался руками, как в воде. А я уже схватила связку ключей и закрыла двери.

Пройдя по знакомым, в это время суток, пустым коридорам я быстро нашла нужную дверь.

Хотела постучать, но собрав всю силу воли толкнула от себя.

Наверное, случись это минут тридцать назад, увиденное вызвало бы лютую истерику, с битой посудой, головой, возможно, убийством одной шлюхи, что пыталась поднять скучающий член Макара руками и уже приближала свои пухлые накачанные ботексом губы.

Но во мне было столько задора и радости, что я вижу любимого. Живого. Невредимого. Расслабленно откинувшегося в кресле, что появилось только желание смеяться и прыгать от радости.

– Ну, кто так дрожит, – подала я громкий, звонкий голос и усмехнулась, когда Макар вздрогнул, резко встал и случайно оттолкнул донельзя удивленную проститутку.

– Малыш... – хрипло заговорил он, но тут же исправился, нахмурился и сделал очень строгое выражение лица. Поздно, Макарушка. Ты обезоружен. – Какого хуя ты здесь забыла? Я все сказал.

– Ну, так я не глухая. Просто решила преподать урок твоим шлюхам, – пожала я плечами, ощущая небывалый душевный подъем, и приблизилась к замершему Макару и опустила к его ногам, не отрывая взгляда, подула на член, который тут же дернулся и стал на глазах увеличиваться в размерах.

– Давно ли ты знаешь больше них? – чуть усмехнулся он, и быстро взглянув на ошеломленную девушку сказал:

– Выйди.

Глава 3. Данил и Паша

– Вот сука! – вскричал Данила, пылая гневом и сжимая в злости кулаки.

Когда девка подошла так близко, он сначала даже не понял ничего. Как загипнотизированный идиот вспоминал, как она изгибалась в руках шефа, как стонала и слизывала с губ его сперму.

Кто же знал, что такая наивная шлюшка окажется такой продуманной. Да еще и лихо умеющей водить тачку с не самой легкой системой управления.

Он потер плечо, которым выломал дверь в комнате общежития, и раздраженно оглянулся.

– Че ты ржешь? Он все равно ее погонит. Она ему нах*й не нужна.

– Ну да, ну да. Машина, квартира. Мужики каждый раз избавляясь от ненужных шлюх, дарят им столько подарков.

– Дебилизм, – поджал губы Данила, засунул руку в карман и достал айфон, уже начал заказывать такси, как вдруг Паша толкает его в плечо. То самое, что болезненно ноет.

– Упс.

– Ты ебнутый?! – пихает Данила Пашу в ответ и наклоняется за телефоном, но у того как нагло экран сеткой пошел. – Сука! Дай свою трубу!

– С чего бы? Ты меня бьешь, оскорбляешь, игнорируешь мои сообщения.

Данила может быть и готов бы послушать бабское нытье, но времени у него не было. Он толкнул Пашу к облупленной стене и начал шарить по телу рукой, крепко держа его за плечо.

– Не так грубо, офицер, мне может понравиться, – веселился Паша, наблюдая за тем, как растет мужская злость и истерика.

– Как вы оба за*бали. Влезли в нашу жизнь.

– В вашу? – поднял брови Паша. Незаметно от Данилы протянул руку и коснулся его члена. Оказалось, что он тверд как скала.

– Ну ты больной, – отпрянул Данила и протянул руку. – Дай телефон, пока я твои яйца не тронул. И поверь, приятно тебе не будет.

Паша усмехнулся, взглянул на стояк и все-таки достал телефон.

– Заметь, стояк не у меня. Если тебя возбуждает гнев, я готов потерпеть твои крики в более приватной обстановке, – оскалился Паша, словно выдал шутку века и откровенно заржал, когда Данила целую минуту пытался включить в конец разряженный телефон.

– Издеваешься, педик?

– Предлагаю, – улыбнулся Паша. – Твой Макарушка найдет, чем заняться, так может быть тебе ему отомстить. Со мной, например.

– Не понял, – дернул головой Данила и посмотрел на Пашу внимательнее. – Что за хрень ты несешь? Хочешь сдохнуть в луже собственной крови?

– Я бы предпочел иные жидкости. Да ладно, Дань. Макар натурал. Такой натурал, что зубы сводит. Он даже чувств твоих не заметит.

– Если ты... – буквально зашипел Данил и коснулся телефоном кадыка парня, на что тот поднял руки. Не страх заставил его – опасение. Все-таки Данил сидел в тюрьме и умение убивать подручными средствами может быть отточено до совершенства. – Если ты кому-то где-то ляпнешь.

– Данил, мне насрать, мне нужен только твой член. Что там у тебя в душе и сердце творится мне... наплевать.

Тот замолчал, телефон убрал и отвернулся.

– Нужен телефон вызвать такси, – буркнул Данил после некоторой паузы, в течение которой дал себе время принять решение. Стал спускаться по лестнице. Паша за ним.

– К Макарушке поедem? – полюбопытствовал он, но наткнулся на вымученный, тяжелый взгляд человека, принявшего самое тяжелое решение в своей жизни.

– Ко мне.

Паша улыбнулся, как стоваттная лампочка, быстро нашел у кого спросить телефон и вот уже через пол часа заходил в небольшую темную, но по-современному обставленную квартиру.

– В душ или выпьем? – бросил Данила ключи в прихожей, и смотрел, как с интересом оглядывается Паша.

Он бесил его до жути, вспарывал кожу там, где, казалось, она давно заросла. Но его упорность, настойчивость и смелость не могли не подкупать. А где-то даже восхищать. А уж если вспомнить, как глубоко парень умеет брать в глотку, то тело сводит судорогой и неумным желанием испытать все вновь. И вновь. И вновь.

Паша закончил осмотр, внимательно взглянул на Данилу.

– Я бы от пива не отказался.

– Тогда давай сам, а я в душ.

Данила знал, что долго один там не останется, мылся не спеша, и в какой-то момент обнаружил, что его тело облизывают взглядом.

Член тут же дернулся, а по телу разлилось приятное тепло.

Паша в своей белой с принтом какой-то группы футболке прислонился к косяку и сделал глоток пива.

– Так и будешь там стоять или член показать боишься? – съязвил Данил и начал демонстративно намыливать стоящий колом х*р. Почему он встал, Данил перестал задумываться. Он вообще решил в данной ситуации с этим человеком меньше думать. Чувствовать ему нравилось гораздо больше.

Паша набрал в рот пива, отставил бутылку и принялся стягивать с себя футболку. Даниле даже захотелось присвистнуть насколько вылепленными мышцами пресса он там увидел.

Но спрашивать не стал, смотрел дальше. На серые боксеры, из которых, покачиваясь, появился член.

Паша стянул носки и залез в очень большую ванную, встав на одном уровне с Данилой.

На него сразу брызнула вода и он вздрогнул, но взгляда не отвел и так не проглотил пиво.

Данила мог бы сейчас рявкнуть, что все эти п*дорские штуки не для него, но замолчал и присел на бортик, чтобы наблюдать, что затеял Паша.

Там на улице он казался бледной пугливой копией мужика, здесь Данила видел, что в нем от мужика даже больше, чем у многих перекаченных парней.

Он подошел близко. По телу Данилы змеей прошел легкий холодок, словно кто-то впустил поток воздуха в ванную.

Паша встал ровно напротив, протянул руку и коснулся упругих узких губ кончиками пальцев. Нажал, попросил жестом открыть рот, и Данила не стал противиться.

Казалось, тело и чувства уже не здесь. Он не здесь и происходит это не с ним.

Он открыл рот и почувствовал, как на язык попадает теплое пиво, а потом и горячая влага чужого языка.

Данила дернулся, хотел с испугу оттолкнуть, но янтарные глаза парня гипнотизировали. Требовали принять его и себя. И Данила, глубоко вздохнув, расслабился, и принял язык Паши, которым тот тут же начал шарить в его рту, лаская небо, зубы.

В конце концов всегда можно представить, что на месте педика Макар. Что его член он тщательно намыливает, что в его задний напряженный проход толкает намыленный палец. Потом присоединяет второй.

Так легко представить и так легко обманывать себя, что думаешь о другом, когда четко понимаешь, чье тело ты сейчас нагнешь и распакуешь. Четко понимаешь, что будешь выть, когда член будет заходить все дальше и дальше, снося все барьеры, страхи, комплексы, разнося по телу только острый незамутненный кайф.

Глава 4. Макаp

Надо было подождать, прежде чем отправлять документы. Неделю. Месяц. Она бы остыла, чувства поутихли, обида прошла. А я как будто сам натравил на себя эту белобрысую беду. Ведьму, сделавшую меня кастратом.

И что сложного трахнуть шлюшку, вставить по самые помидоры и одним оргазмом выбить из головы дурь по имени Василиса, но нет, одна только мысль, что я буду натягивать не её, накачивает меня мысленным бромом и делает член не приспособленным ни к чему.

Хотел сделать из нее страстную любовницу. Хотел раскрепостить. Получите распишитесь.

Вот она у ног. Унижается. Жадно смотрит. Ведет себя как уличная девка, заприметившая член. Пытается своими умениями отбить меня у шлюхи. Как будто та мне нужна.

– Выйди.

Резкий тон и острое желание по телу от горячего дыхания на головке, руки, коснувшейся яиц.

– В кого ты превратилась? – шиплю я, и резко наклоняюсь, смотрю в ошалевшие, непонимающие глаза и встаю, чуть отталкивая. Застегиваю ширинку и снова поворачиваюсь. – Мне понравилась скромная девушка, а не грязная телка. Ты когда мылась последний раз? Совсем стыд потеряла?

Она смотрит ошалело, не веря в то, что говорю. Красивая, как смертный грех, который мне не страшно совершить.

Страшнее потерять ее, увидеть на руках лишь обломок её фарфоровой кожи, остеклевшие, безжизненные глаза. Увидеть смерть и осознать, что ничего не можешь сделать. Смотреть, как гаснет свет в глазах родителей, как твоя невероятной красоты мать синееет.

Я стряхнул воспоминания и зло посмотрел на Василису. Она должна понять и принять. Она должна быть в безопасности. Жить нормальной жизнью. В которую на миг я поверил. Поверил, что могу быть счастливым с этой сумасшедшей, развратной девочкой. Забыл, кто я на самом деле.

– Ведешь себя как похотливая кошка. Готова уподобиться шлюхе, которая касалась грязными руками моего х*ра.

Василиса часто дышит, поднимается резко, как стрела, вылетевшая из арбалета и кричит:

– А кто меня такой сделал?! Кто трахал меня в тот же миг, как только видел, не мог даже поговорить нормально, потому что ему вечно было мало. Ты сделал меня наркоманкой, а теперь сдергиваешь с очередной дозы.

Здесь даже не поспоришь. Подсадил, потому что и сам подсел. Испытывал вечный голод, который снес меня и сейчас, давил на яйца, пропускал через тело острую боль

Василиса как сладкая кола, которую пьешь, давишься, портишь себе зубы, но хочешь снова и снова. И вот ты вроде бы пресытился. Не лезет больше. Но стоит только ополоснуть рот прохладной водой, как в горле снова появляется острая жажда вкушать напиток.

Напиток, рецепт которого ты никогда не узнаешь. Не узнаешь, почему тебя так штырит даже от немытых волос, свисающих паклями, и запаха пота трехдневной давности.

– Если ты хотел превратить в шлюху жадную до секса, надо было сразу расставлять все точки на и, – с криком в меня летит папка, бумаги на многомиллионную собственность рассыпаются вокруг, как и молекулы злости, которые можно буквально растереть между пальцами.

Сказать мне нечего. Любое слово и она поймет, что все это чушь. Маска, надетая лишь затем, чтобы она ушла. Чтобы была в безопасности. Зажила своей жизнью.

Женщинам порой не нужно говорить ни слова, в их головах целый мир и они придумают сотни вариантов, почему молчит мужчина, даже если к ним это не будет иметь решительно никакого значения.

– Значит, молчишь, – шипит она не хуже змеи, подходит близко, так близко, что хочется схватить руками, вжать в себя, стать единым сука целым, наорать, чтобы не вбивала в голову всякую х*йню, вытрахать всю дурь.

– В таком случае, если не хочешь трахать меня ты, я найду другого. Парни со всей общаги давно мечтают получить то, что могло принадлежать лишь тебе.

В глазах решительность, кулаки сжаты, тело напряжено. Во мне, как залп пушки, вспыхивает лютая злоба и гнев, стоит только представить, как и с кем она будет исполнять свою угрозу.

Тяжелая рука поднимается сама собой и в считанные секунды отбрасывает тело на диван.

– Черта с два!

Никогда. Никогда даже желания не было ударить женщину, даже когда Василиса порой своим сумасбродным поведением доводила до красной пелены в глазах. Но сама мысль, что это тело будет извиваться под кем-то другим, разбила в дребезги всю сдержанность и решительность никогда к ней не приближаться.

– Вася, – зову хрипло, дышу часто и уже присаживаюсь возле тяжело дышащего тела, поворачиваю нежное лицо и выругиваюсь.

В уголке губ кровь, а в глазах полыхает та же ярость. Только теперь с примесью безумия.

Щеку обжигает удар. Резкий. По-женски смачный, а потом она фурией набрасывается на меня.

Кричит о ненависти, о любви, о желании убить и стать свободный от той клетки, в которую я загнал ее своим голодом и жадой видеть это тело рядом, слышать голос, ощущать вкус губ и охрененную тесноту дырок.

Откидываю на диван, боясь снова причинить вред и вижу, как она резко успокаивается.

Такая смена настроения ни к добру. Последний раз такая уступка привела к ее самостоятельному отъезду из города.

– Ревнуешь... Значит, не считаешь шлюхой, – спокойно сказала она, и откинувшись на диван прикрыла глаза. – Порви со мной нормально. Не обманывай, ничего не придумывай. Скажи все как есть. Дай мне сделать тебя приятным воспоминанием. А не способом загреметь в психушку.

Вот так просто. Хочешь освободиться. А кто спасет меня? Кто даст мне вдохнуть полной грудью без тебя. Снова увидеть сквозь пелену похоти других женщин.

– Молчишь. Опять, – со слезами на глазах улыбается она и встает, подходит близко и целует в губы.

Я отвечаю. Не могу иначе. Языком ласкаю рот и чувствую, как тело сводит, а глаза закатываются. Ее вкус, даже с примесью крови, такой сладкий навеивает воспоминания о другом вкусе, что таится между ног, который я пробовал так часто. В который так часто погружался, наслаждаясь хлюпающими звуками, когда тела на полной скорости бились друг об друга.

Глаза в глаза и губы в губы. Языки танцуют последнее танго, слюна как ниточка растягивается и, конечно, рвется.

Лучше так. Начну объяснять, останется ведь, не сможет уйти. Умрет по итогу. Потому что смелая. Потому что ничего не боится.

– Пусть так, пусть мы больше не будем вместе, но не надо сводить все к торгово-рыночным отношениям. Я люблю тебя, а не спала с тобой из-за денег, – говорит она, касаясь ладонью трехдневной щетины и идет к двери.

И хочется кинуться, захлопнуть двери перед носом и орать в лицо «Дура!» Как ты могла поверить, что не нужна мне?! Как ты могла поверить, что я считаю тебя шлюхой? Но я отпускаю, потому что так она останется жива.

Сжимаю руки в кулаки и пихаю по карманам джинс, осматриваю привычный в бордовых тонах круглый зал и иду в кабинет.

Там есть окно как раз во двор.

Просто посмотрю, как она сядет в такси, на котором приехала. Хмурю брови, когда вижу машину Данилы.

А возле нее двух ребят в форме полицейских. Которые неожиданно появляются перед испуганной Василисой в этой дикой полосатой пижаме, и скручивают ей руки.

В голове что-то ломается, хрустит. Страх острым шипом пронзает грудь, и я толкаю окно выпрыгиваю из кабинета на пожарную лестницу.

Быстро отводя затвор, стреляю в воздух.

Все трое поднимают голову.

– Руки от нее, скоты, убрали, пока я вам их не отстрелил!

Глава 5. Василиса

Че-ерт! Пришла беда откуда не ждали.

– Вас что, с дамами обращаться не учили? – вырываю я руку у лысого мужичка в форме.

– Да какая ты дама? Ты...

Сказать, кто же я такая, он не успевает, выстрел разрывает тишину закрытой площадки, отражается от стен и пронзает мозг стрелой трепетного счастья.

Макар. Ну, конечно, это он. Прекрасный в своем гневе. Как воин со своим стволом.

Все тело пробирает дрожь, и я расслабляюсь. Никто никуда меня не заберет. И уж тем более Макар не позволит посадить меня в клетку.

– А ну, скоты, отпустили ее, пока ко...

Мужики даже не дернулись, продолжая тащить меня в свою машину. И тут слышу удар по асфальту.

Макар просто спрыгнул со второго этажа, как какой-то супермен и я уже чувствую, как сейчас потечу от его мощи. Мужественности. Силы.

Боже, какой же он...

Дергает меня на себя, буквально вырывая из руки одного из офицеров, и приставляет к его виску ствол.

– Я что, заикался, когда сказал отпустить ее?

– Вы... – затрясся мужичок. – Вас могут посадить за угрозу сотруднику.

Макар даже слушать его не стал и обернулся на машину Данилы, потом взглянул на меня.

Ух, сколько в глазах страха и злости. Не могу не улыбнуться. Даже его удар чуть раньше по лицу стал лаской.

Боже, я, кажется, схожу с ума.

– Ты стащила тачку у Данилы? – прошипел он мне в лицо.

– Одолжила же, – захлопала я глазками, но он сильнее стиснул руку, и в глазах все поплыло. От его гнева. И от фантазий, к чему этот гнев может привести.

– Сама ехала через весь город? – продолжал угрожающе приближать свое лицо Макар, и я уже тяну руку, чтобы его коснуться, вкусить твердости этой кожи, провести кончиками пальцев по прохладным, мягким губам. Таким мягким губам.

Его глаза в миг темнеют, и большой палец гладит кожу на руке. Такой контраст. Словно капкан стал нежным цветком.

Макар заморгал, пытаясь снять наваждение.

Этот небрежный флирт произошел в считанные секунды, за которые на Макара наставили два трясущихся пистолета.

Как сурикаты на тигра, ей богу.

– Руки за голову и лицом в пол!

– О, – Макар даже улыбнулся, отпустил меня и увлек за свою широкую спину.

– Смело. Смело. Вы из какого отделения?

– Руки вверх! – закричал один из них, и я чуть вздрогнула, а Макар поднял обе руки и спросил с ухмылкой.

– Звонок-то могу сделать или вы хотите патрулировать улицы всю жизнь? Я Черкашин.

– Руки держи на виду, – после короткой паузы и перемигивания сказали мужчины.

Как оказывается просто решаются проблемы, когда можно немножко надавить. Когда есть связи.

– Не вопрос. Малыш, – поворачивает Макар голову и кивает на брюки. – Телефон достань.

Я достаю аппарат, встаю на цыпочки и отдаю ему в руку.

Дальше все происходит за считанные секунды и вот уже офицеры, чуть ли не кланяясь, уходят бочком. Вскоре они уезжают на машине, за лобовым стеклом которой из-за бликов солнца не видно их бледных испуганных лиц.

И я уже улыбаюсь, машу им рукой, поворачиваюсь к Макару и рука, как и улыбка, словно поток воды опускается вниз.

– Я... наверное, пойду, – предлагаю, делая шаг в сторону, но уже знаю, как он зол и как ему хочется со мной разобраться.

Это заводит, заводит даже та боль, что возникает в руке, пока он тащит меня через клуб в свой кабинет и буквально швыряет на кожаный черный диван.

– Я что тебе сказал?! Какого х*ра я пытаюсь тебе жизнь сохранить, если ты гоняешь по городу, как ошалелая. Ты е*анулась? – пытаюсь встать, но он толкает меня, и вбивает кулак в спинку.

– Ну, знаешь, – складываю я руки и отворачиваю лицо, – я ехала к тебе, чтобы всучить твои подачки.

– Подарки! – хватает он мой подбородок, сжимает большим и указательным пальцами, поворачивает к себе мое лицо. – Это называется подарки!

– Подавись ими, – пинаю по голени, вскакиваю и гордо шествую к двери, зная, что он впитывает каждое движение бедер. – Ты расстался со мной и сказал трахаться, с кем я хочу. Так что...

– Что, бл*ть?!

Знаю, что злю. Знаю, что довожу до белого каления.

Но все сделано тонко и с расчетом именно на это.

Не успеваю дойти до двери, как он дергает меня всей пятерней за волосы, так, что я вою от острой боли, и шипит на ухо.

– Что за *уйню ты несешь? Да и кто тра*ать тебя будет, ты воняешь как свинья. Что, все три дня в подушку рыдала, как девчонка?

Я держу его руку, чтобы хоть немного избавить себя от боли.

– Вот еще! – лгу, отчаянно лгу. – Нужно мне рыдать из-за лошка, который даже любимую защитить не может.

– Сука! – толкает он меня, и я врезаюсь боком в стол.

Откидываю растрепавшееся волосы, смотрю в его лицо.

Разгневанное. Злое. Пробирающее до дрожи. Чувствую, как подступает истерика. Снова. Больно. Знаю, что нажала на самое больное. Выбрала нужную точку и расковыряла в кровь. Знаю, что мне за это достанется.

Хочу этого. Хочу всего, что он может мне дать. Собственно...

Пара шагов. Губы в губы. Не поцелуй – насилие!

Остро. В кровь. До волчьего воя. Так нужно. Так жадно.

Ткань на брюках рвется от натиска его руки. По ногам проносится слабый поток воздуха. Тело горит от возбуждения.

Его рука снова в волосах, тянет, разворачивает меня спиной, сдергивает майку и бросает голой грудью на стол.

– Сука! – рычит он и пинком раздвигает ноги, и я хочу дернуться, но поздно, член словно удар плети входит одним слитным движением.

Боже. Боже!

– Еще! – как же хорошо, как же это растяжение влагалища его огромным членом мне было нужно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.